

Новелла

Дед Архипов приехал в город, где жил сын его Алексей, поздно. Дед загодя дал ему телеграмму: так, мол, и так, приезжаю двадцать шестого поездом третьим, встречай.

Но вот вышел дед из вагона, прошел долгий перрон, подошел к освещенному вокзалу — никто его не встретил.

Дед поставил свой чемодан на станционную скамейку и прочел неизвестно для чего вырезанные на ней буквы: «Эм-пе-эс». И только после этого сел. Задумался. Адрес сына он помнил, но города не знал совсем. И как будет добираться к сыну в такой поздний час, дед не представлял.

Еще минут десять он маялся на скамеечке. Потом вспомнил, что старухой велено было по приезде дать телеграмму. Заметив милиционера, поднялся.

— Сынок, постой... Почта тут есть? Мне бы телеграмму отправить...

Молодой, застегнутый на все пуговицы милиционер, приостановился.

— Есть. Вон в ту дверь, папаша.

— А не поздно? Закрыто, может?

Милиционер хмыкнул и сказал чуть наставительно:

— У нас тут, папаша, до утра все работает.

Дед спросил бы, может, еще что-нибудь, но милиционер уже скрылся за углом.

Дед поднял чемодан и пошел к двери с табличкой «Почта». Из окошка «Прием телеграмм» выглянула довольно молодая заспанная женщина.

— Мне бы того... телеграмму,— робко сказал дед,—хозяйка велела... «Как,— говорит,— приедешь, так и дашь...» — дед кашлянул,— в Ростовскую область,— и вдруг затараторил:— Ростовская область, Сальский район, село Гольцы, Архиповой Анне Васильевне. Доехал благополучно...

— Гражданин,— перебила его приемщица телеграмм.— Вот бланк. Все это напишите.

— Никак не могу,— виновато улыбнулся дед.— Без очков я. Ничего не вижу. Сделай одолжение, напиши. А?

Женщина со вздохом взяла синий бланк, встряхнула ручку и вывела первую строку: «Ростовская обл...»

— Ростовская область... А дальше как?

— Ростовская область, Сальский район, село Гольцы, Архиповой А. В., — опять оттарабанил дед.

— Доехал благополучно?

— Точно. И подпись припиши: Федор.

Приемщица принялась считать слова и щелкать на счетах. Дед тем временем брэнчал в кармане пальто монетами.

— Сорок восемь копеечек с вас,— сказала женщина.

— Сорок восемь копеечек,— повторил дед и выложил медяки на стеклянный барьер.

— Батя, дай рупь,— сказал кто-то пьяным голосом у деда за спиной.— В час чайхана закроется.

Архипов обернулся. Разглядел заросший подбородок парня, бесформенный берет, потертое и пятнистое пальто. Деда неожиданно охватила ярость.

— Какой я тебе батя, алкаш? По твоим годам молоко лакать, а не горькую!.. Дай ему рупь!

— Нет так нет,— опустил глаза парень, повернулся и ушел прочь в темноту.

— Рупь ему! — зло повторил дед.

— Зря вы так, сказала приемщица,— человеку, может, не везет,

обиженный он, может. Вот и пьют...

— Обиженный, обиженный, — взорвался дед. — Молодой он для обиженного! Я вот обиженный — из троих сыновей война одного мне оставила. И меня самого тоже ведь не поберегла — в скольких местах поковыряла...

Дед мгновение молчал — успокаивался.

— А Алешка, третий-то сын, малый еще был. Не тронула война его... Чудом... — дед кашлянул и добавил скороговоркой. — Вот приехал к нему. Лет семь не виделись...

Полгода, паршивец, не пишет...

Дед Архип поднял чемодан, потом опустил его снова.

— Уезжал — двадцати не было. «Поеду, — говорит, — батя, в город... Строить буду... В институт поступлю...» Вот не пришел, не встретил. А я рази сам найду его сейчас? Да и адреса не помню...

Дед махнул рукой и отошел от окошка телеграфа. Потом вышел на привокзальную площадь. «Хоть ба такси или автобус какой», — думал про себя. Но площадь была пуста и темна. Архипов вернулся на перрон, сел на скамейку с буквами «МПС» и проворчал: «Ну, Алешка, паршивец, встретил!»

А заросший парень смотрел на старика из-за угла вокзала. Глаза у него были трезвые и грустные...